

Czas w kulturze rosyjskiej Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkina, Pilewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.	265
Валентина Веремченко , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия	297
Татьяна Рюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества	355
Marian Broda , Paradoxy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominaty w strukturach postsowieckiej codzienności	367

Anna Kadykało , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском тревелогe XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени.....	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского.....	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jegor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)intepretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w eposie <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий</i> : Гоголь, Довлатов и все-все-все	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brządkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры.....	591

Елена Созина

Екатеринбург, Институт истории и археологии, Уральское отделение РАН
Уральский федеральный университет

Время и место

Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии:

М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов

Time and Place.

Phenomenon of the Eighties

and Its Reflections: M. Albov, D. Mamin-Sibiriyak, A. Chekhov

Abstract: Russia – is an extremely “spatial” country, as one of the characters of Mamin-Sibiriyak expressed it. We suppose that point in space which gave a birth to the writer, hadn’t been remaining indifferent to him and found itself some place in his consciousness and texts. Phenomenon of Russian literature of 1880-ies – a generation of men of Eighties – has become an object of examination in the article. Gloomy coloring of this literature was expressed in the brightest extent in the works of Mikhail Albov, native of Saint-Petersburg: timelessness of “darkness”, Hamletism, psychologism in the manner of Dostoevskii, duality and endless yearn for himself, different and authentic – it’s not only Albov but also Petersburg playing with a man. Hero of Albov’s tale of the middle of 1880s *Kak goreli drova* (*How firewood was burning*) is examined in the article as indicative type of the epoch. In the novel of his contemporary Dmitrii Mamin-Sibiriyak *Cherty iz zhizni Pepko* (*Traits of Pepko’s life*) (1894) is heard an introspection on the life in Saint-Petersburg of the author and his character, topics of duality and pessimism, cemeterial motives, attempts to find himself and his times appear again. But in contrast to Albov Mamin-Sibiriyak doesn’t isolate himself in these topics and his hero leaves Petersburg soon and departs into his native land in province. In works of Anton Chekhov we observe a true “layered cake” of epoch. His tales *Ogni* (*Fires*), *Skuchnaya istoria* (*Boring story*), *Rasskaz neizvestnogo cheloveka* (*Story of unknown person*) are correlated with problematic of the 1880s; sensation of the Eighties lives in all of these tales, and all of them contain stepping out the Eighties. Chekhov depicted a figurative reflection of timelessness of the Eighties in his early story *Schast’e* (*Happiness*) which was written on the base of native for the author Taganrog material. Steppe here is in the epic, biblical and Old Testament time, but heroes of the tale settled

amidst steppe aren't oppressed by the infinity of space and eternity of time (per se literal "timelessness"), they find here their thing and their place.

Keywords: generation of the 1880s, timelessness, a reflection on the time, narrative

Россия – страна чрезвычайно „пространственная”¹ – так выразился один из героев Дмитрия Н. Мамина-Сибиряка, известного уральского писателя. Позднее словно бы в тон ему Георгий Гачев напишет о том, что из пары Время – Пространство русскому человеку роднее Пространство, одно-коренное с такими словами, как „сторона/сторонка”, „страна”, „странник”². Однако русская литература показывает, что не все так односторонне: в древнерусской словесности есть *Повесть временных лет*, масса житийных сочинений (а „житие” следует отнести скорее к временным, чем к пространственным жанрам), да и в литературе Нового времени, хотя преобладают названия произведений образно-тематического плана (по имени героя или теме-проблеме), но среди них остаются классическими книги с хроно-номинациями: *Рыцарь нашего времени*, *Герой нашего времени*, *Отцы и дети*, *Вечера на хуторе близ Диканьки*, *Смерть Ивана Ильича* и *Воскресение*, *Три года* и т. д.

Объектом рассмотрения в статье является феномен русской литературы 1880-х гг. – так называемая „артель восьмидесятников”, как называл ее Антон Чехов, и связь нескольких писателей этой формации со временем, а до некоторой степени и с пространством, поскольку категории эти взаимосвязаны, что отражено в популярном понятии „хронотоп”, введенном Михаилом М. Бахтиным.

В 1889 г. Чехов писал Владимиру А. Тихонову:

Чем больше успеха, тем лучше для всего нашего поколения писателей. Я [...] верую в то, что каждый из нас в отдельности не будет ни „слоном среди нас” и ни каким-либо другим зверем и что мы можем взять усилиями целого поколения, не иначе. Всех нас будут звать не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Щеглов, не Баранцевич, не Бежецкий, а „80-е годы” или „конец XIX столетия”. Некоторым образом, артель³.

В сознании Чехова, как видно из этой цитаты, прочно существовало понятие поколения, в этом ракурсе он мыслил общность писателей, к кото-

¹ Д.Н. Мамин-Сибиряк, *Очерки и рассказы. 1880-1883 гг.*, Свердловск 1980, с. 330.

² Г.Д. Гачев, *Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос*, Москва 1995, с. 174.

³ А.П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем в 30 т., Письма. В 12т.*, т. 3, Москва 1976, с. 174.

рой относил и себя, и этой идентичностью как бы оправдывал собственное писательство. „Поколение” – чисто временное понятие, хотя в спектре его значения уже можно усмотреть пространственный смысл: поколение как некое **место** в исторической длительности, некое статус кво. Сергей Зенкин так определил поколение:

Поколение – это время, воплощенное в людях, в их драматической судьбе; в непрерывную длительность исторического процесса оно вписывает меру, обусловленную жизненным циклом человеческого тела, и вносит циклическое время, отчасти похожее на мифологическое время вечного „возвращения”⁴.

Концепт этот нередко употребляется героями произведений Чехова, но для нас сейчас важно понять, что же объединяло Чехова с восьмидесятниками, почему он акцентировал „артельное” начало в литературе и насколько сам вписывался в него.

Уже в ту пору восьмидесятые годы получили наименование безвременья, а характерный комплекс восьмидесятничества, проявлявшийся как в сознании авторов, так и в психологии рисуемых ими героев и в тематике произведений, сложился ближе к концу десятилетия и включал мотивы „другого”, „двойничества”, „кладбищенства”, „тоски”, „одиначества”, усталости от жизни, разочарования и неудовлетворенности в ней, преждевременной старости души, самоубийства – все то, что в совокупности позволяло критике называть поколение восьмидесятников „больным”, „потерянным” и т. д. Все эти мотивы и комплексы выразили в своем творчестве Семен Надсон, Всеволод Гаршин, Михаил Альбов, Казимир Баранцевич, Иероним Ясинский, Иван Леонтьев (Щеглов) и мн. др. Почему „потемки” или „сумерки” ассоциировались с безвременьем, мы покажем на примере произведений М. Н. Альбова, писателя, который, по выражению Чехова, полностью посвятил себя изображению сырости „водосточных труб”⁵, но который одно время был не менее популярен, нежели Чехов, в ряде своих текстов отталкивавшийся от прозы Альбова.

Постоянным героем произведений Альбова конца 1870-х – 1880-х гг. был персонаж гамлетовского типа, постоянно находящийся между жизнью и смертью, занятый исключительно собой и своими отношениями с прошлым, обладающим тотальной властью над ним. Власть прошлого как при-

⁴ С.Н. Зенкин, *Поколение: опыт „деконструкции” понятия*, [в:] *Поколение в социокультурном контексте XX века*, Москва 2005, с. 131.

⁵ А.П. Чехов, *Полное собрание сочинений...*, *Письма...*, т. 2, с. 230.

тягивает героя к жизни, так и выталкивает из нее, поскольку за вычетом прошедшего в его настоящем уже нет ничего – лишь ужас пустоты. В предисловии к дилогии *Страницы из книги о людях, взыскующих града* автор представлял двух своих героев как „одно и то же лицо, как один из распространеннейших типов тогдашней «эпохи безвременья»...”⁶. Можно сказать, что он буквально воплотил в этом типе „безвременье”, буквализировал его.

Остановимся на второй повести дилогии под названием *О том, как горели дрова*. Ее безымянный герой из Петербурга приезжает на маленькую станцию где-то на юге России, останавливается на постоялом дворе – с тем чтобы утром отправиться дальше, на Мокрый Хутор, где живет семейство некоего Вырезубова, ожидающее его приезда. Но, оставшись один, он углубляется в себя, вспоминает свое прошедшее, свидетелями и своеобразными архиваторами которого служат старые письма, привезенные им с собой, сжигает их в печке, а затем стреляется. На столе остается лишь его краткая предсмертная записка да последнее письмо Вырезубова с портретом его дочери, с которой несколько лет назад у безымянного героя Альбова едва не случился роман. Композиция повести, сюжетное течение которой отдано напряженным размышлениям и воспоминаниям героя, организуется за счет горения дров: стадии этого процесса дают названия главам („Дрова горят”, „разгораются” и т. д.). Горение дров играет роль своеобразного метронома, звука колокола или часов, отсчитывающих объективно текущее время, вместе с тем это прозрачная метафора сгорания жизни; когда печка прогорает, все погружается в „холод и мрак”, героя охватывает состояние полного безразличия и пессимизма, в котором даже память о любимой девушке не удерживает его в жизни.

Герой Альбова – абсолютный интроверт, его страшат люди, нарушающие его одиночество „в толпе”, он одинокий мечтатель, совершающий бесцельные прогулки по Петербургу и не доверяющий миру, мир чаще всего враждебен ему. Вот фрагмент его сомнамбулических блужданий по городу, демонстрирующий явление диффузии, перетекания авторской точки взгляда в сознание героя и рождение из нее письма:

В нем сильнее, чем давеча, когда бродил он в „Аркадии”, заныло то самое, что во все это последнее время, каждый раз, с захождением солнца, словно откуда-то извне вползало в душу его, овладевая всем его существом... Оно ощущалось даже физически. Холодели руки и ноги. Мозг словно стынул, работая медленно, вяло и как бы даже утрачивая способность отражать впечатления. Исчезало сознание последовательности и связи между явлениями,

⁶ М.Н. Альбов, *Собрание сочинений в 8 т.*, Санкт-Петербург 1906-1908, т. 4, с. 227.

как это бывает во сне. Предметы и лица словно тускнели, принимая значение каких-то фантомов или существ постороннего мира, – и ощущение глубокой и безысходной пустоты облегло всю его душу. [...] Он шел бесцельно и машинально, без размышления, куда и зачем, весь охваченный тою невыносимой пустотой одиночества, от которой нельзя было ни уйти ни забыться. [...] Он увидел себя плотно прижавшимся к перилам канала. Он стоял неподвижно, судорожно сцепив похолодевшие руки, навалившись всем телом на переплет железной решетки, и смотрел пристально вниз. Там были холод и мрак, и лишь одинокою звездочкой дрожал отблеск фонаря, пуская вокруг золотистые змейки... [...] Он стоял, цепenea и ощущая, как мозг в его черепе стынет и каменеет, а в костях распространяется холод. Его совершенно покинуло сознание пространства и времени⁷.

В последние минуты жизни перед прогорающей печью герой вновь испытывает ощущения, аналогичные тем, что были у него в городе у перил канала, и на сей раз это „нечто, вне его находящееся, неизъяснимое и неотвратимо могучее, зовущее вниз, в холод и мрак”⁸, побеждает.

Время героя – исключительно психологическое, внутреннее время, поглощающее сознание личности, вращающееся вокруг одинокого „я”, словно зависающего внутри себя. Используя расхожий ницшеанский язык, можно сказать, что альбовский герой попадает в кольцо вечных возвращений того же самого, и воля к жизни сменяется или оборачивается в нем волей к смерти. Сему смерти несут сгорающие дрова, выводящие альбовского героя к большому, монументальному времени, данному в его завершающем размышлении и также обесмысливающему его конкретную жизнь:

И там, позади, и вокруг, и дальше, в неведомом, бесконечном пространстве грядущего – холод и мрак. [...] Сменяются одно за другим поколения, создают идеалы в бесплодных усилиях разгадать тайну и цель бытия, страдают и борются, заливают землю потоками крови, а дело так просто, как то, что произошло в этой печке. Были дрова – и сгорели⁹.

Внутреннее безвременье (пустота „я”) смыкается здесь с безвременьем объективно-космическим или общеприродным (поскольку для природы как общего и целого время не может выступать сущностной категорией). Словно отвечая герою Альбова, в повести Чехова *Огни*, которую сам Чехов определял как „мрачный рассказ во вкусе Альбова”¹⁰, инженер Ананьев порицает

⁷ М.Н. Альбов, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 296-298.

⁸ Там же, с. 298-299.

⁹ Там же, с. 317.

¹⁰ А.П. Чехов, *Полное собрание сочинений...*, Сочинения. В 18т., т. 7, с. 645.

именно эту манеру мыслить: „Мысли о бесцельности жизни, о ничтожестве и бренности видимого мира, соломоновская «суета сует»», будучи не конечной и высшей ступенью в человеческом развитии, а его едва ли не исходной точкой, составляют „зло и абсурд”¹¹, т. к. отвращают человека от действительной жизни и заранее говорят о бессмысленности каких-либо действий¹². По этой логике мыслит, по ней же уходит в смерть герой Альбова, всерьез переосмысленный Чеховым.

Внутриличностное „безвременье” альбовского человека может выступать в знаковой роли по отношению к общепризнанному „безвременью” эпохи. Немаловажно и то, что наиболее адекватным этому состоянию сознания и души поколения был Петербург, и напряженные уходы в себя – в свое „мечтательство”, а затем и „подполье” героя Альбова, его внешне бесцельные кружения по городу – все это было возможно только в Петербурге, городе „самом умышленном” и сознающем, по выражению героя Достоевского, создавшем свой миф и текст в истории мировой, а не только русской литературы. Альбов как коренной петербуржец за пределы его выбирался всего лишь раз – в недалекий Ревель; он поистине был детищем Петербурга, это отмечали многие критики-мемуаристы, и в его случае „место” и „время” идеально совпали.

Чехов на протяжении 80-х гг. не раз обращался к опыту Альбова: таков общий колорит его „сумеречных” рассказов этого периода, в этот контекст попадают упомянутые выше *Огни* и *Рассказ неизвестного человека*. Но Чехову удалось не зависнуть и не заикнуться в слякоти „водосточных труб” восьмидесятилетия; он смог смотреть на него с внешней точки зрения. Немаловажное значение, на наш взгляд, имел тот факт, что Чехов не любил Петербург, не считал его своим городом. Выходец из провинции – с юга России, он много путешествовал и в течение жизни успел пожить в разных местах, но никогда не задерживался надолго в Петербурге.

Своего рода эпитафию и поколению, и самому времени восьмидесятиков мы находим в романе еще одного чеховского современника – Д.Н. Мамина-Сибиряка, как и Альбов, писателя несколько более старшей формации, но чье вхождение в литературу пришлось примерно на те же годы, что у Чехова и даже Альбова – вторую половину 1870-х – начало 1880-х гг. Роман Мамина-Сибиряка *Черты из жизни Пенко*, созданный уже в другую эпоху

¹¹ Там же, с. 110-111.

¹² См. об этом подробнее в нашей статье: Е.К. Созина, А.П. Чехов в контексте „артели” восьмидесятников. Автор и герой (философия и аксиология авторской позиции), „Inskrypcje Półrocznik: Czasopismo Naukowe Poświęcone Literaturze i Kulturze” 2018, r. 6, 1(10), s. 119-130.

(1894), описывает молодость самого Мамина, жившего тогда в Петербурге, его упорные попытки закрепиться в литературе, стать писателем, разнообразные контакты с писательской и журналистской средой, преимущественно мелкого толка, рост надежд и их крушение. Его рассказчик-герой эмоционально переживает бег времени и свое старение, свою, словно бы уже состоявшуюся, встречу со смертью:

Какая это ужасная мысль, что мир управляется именно покойниками, которые заставляют нас жить определенным образом, оставляют нам свои правила морали, свои стремления, чувства, мысли и даже покррой платья. Мы бессильны стряхнуть с себя это иго мертвых [...] ¹³.

Кроме социально-обыденного и открыто экзистенциального смыслов, которые можно увидеть в этом высказывании, в нем проглядывает и реакция автора на свое прошедшее, на восьмидесятиничество, стряхнуть груз которого со своих плеч он не может – прошлое остается в нем, его невозможно „захоронить”, от него нельзя „отказаться”. Несмотря на отличия в области художественного языка и писательской психологии, Мамин здесь можно считать своего рода продолжателем Альбова, как если бы герой последнего остался жив. Однако в финале романа Мамин совершает что-то вроде сознательной вивисекции: один его персонаж, Василий Попов, заболев в Петербурге чахоткой и так и не сумев продвинуться на литературном поприще, отправляется домой на юг России. Другой герой – двойник первого по прозвищу Пепко (также Василий Попов), вернувшись с Русско-Турецкой войны, умирает. Так Мамин прощается и со своей молодостью, и со своим временем-поколением.

Проблема соотношения человека и мира, времени жизни человека, неизбежно краткого перед лицом природы, нередко обесмысливаемого смертью, – и времени, а точнее, *безвременья* существования мира, природы, человечества – поистине вечная в литературе (от Александра Пушкина к Александру Герцену, Ивану Тургеневу, Федору Достоевскому и т. д.). Она возникла у Чехова еще до *Огней* в одном из ранних его рассказов – *Счастье* (1887), написанном на материале родной таганрогской местности. Здесь ярко представлена „слоистость” времени, с которым подчас достаточно вольно обращался Чехов, и выражены отнюдь не петербургские истоки самого писателя, что в данном случае принципиально.

Объектом описания, встающим за спиной трех персонажей этого рассказа, является степь. Вот показательный фрагмент, в котором ярко выражено

¹³ Д.Н. Мамин-Сибиряк, *Собрание сочинений, в 12 т.*, т. 8, Свердловск 1950, с. 67.

„самочувствие” степи, незаметно пропущенное через ощущение автора-повествователя (ибо картины природы у Чехова всегда феноменологичны):

В синеватой дали, где последний видимый холм вливался с туманом, ничто не шевелилось; сторожевые и могильные курганы, которые там и сям высились над горизонтом и безграничной степью, глядели сурово и мертво; в их неподвижности и беззвучии чувствовались века и полное равнодушие к человеку; пройдет еще тысяча лет, умрут миллиарды людей, а они все еще будут стоять, как стояли, нимало не сожалея об умерших, не интересуясь живыми. И ни одна душа не будет знать, зачем они стоят и какую степную тайну прячут под собой. [...] Солнце еще не взошло, но уже были видны все курганы и далекая, похожая на облако, Саур-Могила с остроконечной верхушкой. Если взобраться на эту Могилу, то с нее видна равнина, такая же ровная и безграничная, как небо, видны барские усадьбы, хутора немцев и молокан, деревни, а дальнзоркий калмык увидит даже город и поезда железных дорог. Только отсюда и видно, что на этом свете, кроме молчаливой степи и вековых курганов, есть другая жизнь, которой нет дела до зарытого счастья и овечьих мыслей¹⁴.

Изображение могильных курганов, Саур-Могила, фраза „умрут миллиарды людей” несут семы ухода, смерти, ее безусловного постоянства в степи, равнодушной к человеку, что позволяет считать этот рассказ очевидным подступом к проблематике поколения, более наглядно и ярко заявленной у Чехова немного позже.

Степь погружена в безмолвие, в свое почти библейское время, где все идет, как шло от века: это своего рода ветхозаветное время, оно же „большое”, эпическое, для которого и тысяча лет – небольшой срок, и человек занимает в нем такое же место, как овцы или грачи, летающие над степью. Герои рассказа спокойно относятся к этому времени – они в нем живут, и оно не отрывает их от чисто человеческих забот. Подобно природе и „большой” истории племен и народов, степь живет циклично, что с внешней точки зрения и есть ее безвременье. Только человек постановкой своих целей и их достижением может прервать это движение по кругу – так вырывается из бесконечных степных просторов Егорушка (повесть *Степь*), едуший в город учиться. И, несмотря на краткость жизни, человек придает смысл жизни степи и всему, что в ней есть и происходит, пусть даже это будут поиски клада, которые вряд ли когда увенчаются успехом. Пожалуй, в этом и состоит и наибольшая загадочность, и насущная необходимость человека в мире. Обратим внимание: молодого пастуха Саньку в рассказе Чехова „ин-

¹⁴ А.П. Чехов, *Полное собрание сочинений...*, *Сочинения...*, т. 6, с. 216-217.

тересовало [...] не самое счастье, которое ему было не нужно и непонятно, а фантастичность и сказочность человеческого счастья”¹⁵. Словно в согласии с мыслями персонажа в финале дается сцена: „Старик и Санька [...] стояли не шевелясь, как факиры на молитве, и сосредоточенно думали. Они уже не замечали друг друга, и каждый из них жил своей собственной жизнью. Овцы тоже думали [...]”¹⁶. Сосредоточенное „думание” людей и овец объединяет их с вечной степью, задает общий ритм, общее время. А следовательно, человек способен приспосабливаться к разным временным измерениям: и к потоку-линии, и к кругу, и к самой вечности. Таков, как представляется, был чеховский взгляд на человека, и важно, что он вынес его из родного края: это своего рода неспешность и обязательность проживания и пребывания человека на земле, поэтому ни он, ни его герой не зависают „в потемках”, как иные восьмидесятники.

Ирина И. Плеханова определила чеховского человека как автохрона, человека времени, и это определение очень верно¹⁷. „Русский человек любит вспоминать, но не любит жить”¹⁸, – звучит максима повествователя в чеховской *Степи*. Другая наиболее частая интенция русского национально-го сознания – устремленность в будущее, также неоднократно подвергнутая рефлексии в творчестве Чехова. Писатель словно вступает в негласный спор с идеями русских философов, зазвучавшими уже в первые десятилетия XX в., в частности, с неоднократно высказанным утверждением Николая Бердяева о профетизме и эсхатологизме как коренных чертах русской религиозной мысли, которые он же распространял на русскую литературу и русскую мысль в целом: „Ей свойствен профетический дух, обращенность к грядущему, напряженное искание Царства Божьего, предчувствие новой религиозной эпохи и новых свершений”¹⁹. Если заменить религиозную лексику Бердяева на более нейтральную и светскую, то высказывание вполне может характеризовать мечты чеховских персонажей. Цитаты эти общеизвестны: „Через двести-триста, наконец тысячу лет, – дело не в сроке, – настанет новая, счастливая жизнь” – *Три сестры*; „Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы” – *Вишневый сад*; „Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах...” – *Дядя Ваня* и др. И профетизм, и эсхатологизм,

¹⁵ Там же, с. 218.

¹⁶ Там же.

¹⁷ И.И. Плеханова, *Человек времени в прозе А. Чехова („Степь” и „Скучная история”)*, [в:] *Философия А.П. Чехова: международная научная конференция (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.), материалы*, под ред. А.С. Собенникова, Иркутск 2008, с. 132-146.

¹⁸ А.П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем...*, Сочинения, т. 7, с. 64.

¹⁹ Н.А. Бердяев, *О русской философии в 2 частях*, часть 2, Свердловск 1991, с. 14.

и устремленность в будущее либо прошедшее как замена настоящего – все эти „приемы” работы со временем, прекрасно показанные Чеховым, можно определить как виды или формы борьбы со временем, попытки его преодоления, которые в жизни чаще всего заканчиваются ничем – в лучшем случае разочарованием и обидой на жизнь. Именно этот тип отношений со временем как характерный для русской ментальности прекрасно уловил и выразил в своих произведениях писатель А.П. Чехов.

Чехов как писатель переходной эпохи творил в русле неклассического типа художественности, и в его творчестве заметны те кризисные явления, что будут характеризовать время в представлении людей XX и последующего XXI в., знаменующие выдвигание на первый план категории пространства и тенденцию опространствливания времени. Но Чехов видится подлинным демиургом этих двух категорий, т. е. мира, ими создаваемого, поскольку у него мы наблюдаем как опространствливание времени, так и овременение пространства, свойственное древне-эпическим и фольклорным жанрам. Чехов в этом плане исключителен, и его внутренняя свобода – а он ее в себе нес и к ней постоянно стремился – определяла многое в его жизни, несмотря на эмпирическую погруженность в больное тело, в свое время и свое поколение.

Библиография

- Альбов М.Н., *Собрание сочинений, в 8 томах*, т. 4, Санкт-Петербург 1906-1908.
- Бердяев Н.А., *О русской философии в 2 частях*, часть 2, Свердловск 1991.
- Гачев Г.Д., *Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос*, Москва 1995.
- Зенкин С.Н., *Поколение: опыт „деконструкции” понятия*, [в:] *Поколение в социокультурном контексте XX века*, Москва 2005.
- Мамин-Сибиряк Д.Н., *Очерки и рассказы. 1880-1883 гг.*, Свердловск 1980.
- Мамин-Сибиряк Д.Н., *Собрание сочинений, в 12 т.*, т. 8, Свердловск 1950.
- Плеханова И.И., *Человек времени в прозе А. Чехова („Степь” и „Скучная история”)*, [в:] *Философия А.П. Чехова: международная научная конференция (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.)*, материалы, под ред. А.С. Собенникова, Иркутск 2008.
- Созина Е.К., *А.П. Чехов в контексте „артели” восьмидесятников. Автор и герой (философия и аксиология авторской позиции)*, „Inskrypcje. Półrocznik: Czasopismo Naukowe Poświęcone Literaturze i Kulturze” 2018, т. 6, з. 1(10), с. 119-130.
- Чехов А.П., *Полное собрание сочинений. и писем, в 30 т.*, Москва 1974-1983.

Информация об Авторе

Елена Константиновна Созина (Elena K. Sozina) – доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором истории литературы в Институте истории и археологии, Уральское отделение РАН; профессор Кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет.

e-mail: elenasozina1@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7462-4153>

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.

